

Братья Елисеевы. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Братья Елисеевы. Даниил Александрович Гранин

Магазин «Гастроном» на Невском, у Театра комедии, до сих пор называют Елисеевским. Всегда так называли, сколько себя помню, – «к Елисеевскому», «у Елисеева». Никакие события не могли избавить ленинградцев от этой привычки. Так же как Невский продолжали называть Невским, хотя на табличках появилось «Проспект 25 Октября». Так же как Литейный Литейным. И в Москве гастроном на улице Горького тоже остался Елисеевским. Коренной ленинградец, я-то знал, что «Елисеевский» происходит от бывших владельцев братьев Елисеевых. Кто они такие – понятия не имел. Кроме Елисеевых помнились еще Филипповские булочные, Апраксин двор, Зингер... Сохранилось с моих детских лет, когда еще не могли отвыкнуть от старых названий, от владельцев, зарекомендовавших себя. Были еще «братья Чешурины», «Конроди», «О'Гурнэ»... Следующие поколения непознанные названия забыли, оставили только Елисеевский, наверное потому, что сохранился сам магазин, сохранился и в Москве, и в Ленинграде, причем, что интересно, удерживал все три четверти века первенство как главный магазин обеих столиц. Оставался к тому же самым красивым, роскошным магазином. Его нарекали «Номер один», «Центральный», но он оставался Елисеевским. Последующие реконструкции, безвкусные, неумелые, не могли до конца истребить его первозданной красоты. Высокий, в зеркалах, отделанный мрамором, изразцом, огромнейшей витриной своей, он и внутри, и снаружи до сих пор отличается от всех других магазинов. Гастрономами можно было называть все эти новые, и старые, и самые новые универсамы, стандартные, достаточно безликие торговые точки, магазин же у Театра комедии язык не поворачивался назвать гастрономом, он оставался Елисеевским, долгое время он сохранял первенство и в смысле разнообразия продуктов. За стеклом его отделов как-то особо аппетитно выглядели колбасы, сыры, отличались разнообразием вина, было множество сортов конфет, с каким-то умением и вкусом продавцы выкладывали в плетеных корзинах фрукты. Елисеевский – это была марка, качество... Придется тут остановиться, поскольку не об этом рассказ. А о том рассказ, как однажды раздался телефонный звонок, и женский голос, молодой, чистый, спросил, нельзя ли повидаться со мной, не заинтересует ли меня история Елисеевых, тех самых, бывших владельцев, и их потомков, я такая-то, внучка Елисеева... Несмотря на завалы срочной работы, я согласился, и сразу. Сработало исконно питерское, но не любопытство, а та приверженность старому городу, которая не дает покоя ленинградцам тем больше, чем больше огорчений приносит им город нынешний. В назначенный день и час мы встретились с Анастасией Григорьевной Елисеевой. Она оказалась отнюдь не молодой, и даже не средних лет, но затем все двинулось вспять, она стала как бы молодеть, возвращаться к своей прежней красоте, к своему звонкому голосу, и темперамент, с каким она повела свой рассказ, и энергия ее лишней раз доказывали, что молодость – это никак не возраст.

Передо мной лежали документы, старинные фотографии, вырезки. Она принесла огромный юбилейный альбом в честь столетия фирмы Елисеевых, где были представлены все филиалы фирмы, служащие, рабочие 1813–1913 годов. Купеческая, торговая Россия появлялась несколько иной, чем мы привыкли читать и видеть у М. Горького или А. Островского, – деловые мужчины, умные, степенные лица. Цеха, техника, прилавки.

История елисеевского дома началась с одного застолья у графа Шереметева – так повествует семейная легенда. На этом застолье, зимой 1812 года, гости дивились свежей крупной землянике, и так нахваливали ее, и так расспрашивали хозяина, что он приказал позвать садовника, мастера выращивать в морозы такую ягоду. Им оказался Петр, сын Елисеев. Граф решил отблагодарить его, спросил, чего бы тот пожелал; разумеется, Петр Елисеевич попросил себе вольную. Граф должен был сдержать слово, и вот к лету того же года пришел в Петербург ярославский мужичок Петр Елисеевич. Стал торговать с лотка, сам тем временем приглядывался к столичным порядкам и вскоре открыл лавочку у Полицейского моста. Называли ее Елисеевская лавка. Место было бойкое, торговля пошла. К 1821 году Елисеев, человек предприимчивый, смекалистый, имел уже магазин, склады, ввозит из-за границы партии вин, становится известным оптовиком. Репутация порядочного, честного купца сопутствует ему. Малограмотность не помеха, торговые операции он проводил умело и оставил своим трем сыновьям в наследство вполне солидное торговое предприятие. Сыновья хорошо продолжили дело, торговля расширилась. С 1843 года братья Григорий и Петр Елисеевы стали именовать свою фирму «Братья Елисеевы», и с этого времени она обрела, как писал журнал «Нива», «известность во всем торговом мире».

Фирма начала с капитала в 7,8 миллионов рублей. За короткое время благодаря трудолюбию и коммерческому таланту Г. П. Елисеева фирма установила отношения с крупнейшими торговыми домами Европы – французскими, английскими, немецкими, итальянскими, испанскими. Для перевозки вин и «колониальных товаров» Г. П. Елисеев обзавелся собственным флотом – быстроходные с хорошей грузоподъемностью пароходы. Елисеевы приобрели винные подвалы на острове Мадера, также в Бордо, Хересе, Оporto. Оборот ширился; в середине прошлого века, еще до отмены крепостного права, эта петербургская фирма создала себе мировую репутацию прежде всего своей точностью и «торговой корректностью». Ее ставили в пример как надежного партнера. Были годы, когда фирма скупала за рубежом весь урожай ряда винодельческих районов Франции. В Петербурге один за другим выстроены были обширнейшие винные подвалы; помимо виноторговли росла и торговля фруктами, кофе, кондитерскими изделиями, сырами. Строились собственные цеха конфетные, рыбных изделий. Ввозились продукты из всех стран мира. С 1903 по 1913 год было уплачено только пошлин государству 11 миллионов рублей! Так развернулась лавочка бывшего крепостного Петра Елисеева.

Признаюсь, я понятия не имел о подобных международных размахах русских торговых фирм. Ведь, наверное, Елисеевы были не исключением. Например, в Петербурге они считались вторыми после Апраксиных.

Когда Г. П. Елисеев умер в 1892 году, фирмой стали заправлять его сыновья Александр и Григорий Елисеевы. Впоследствии единоличным руководителем фирмы стал Григорий Григорьевич Елисеев, дед Анастасии Григорьевны. Он достойно вел дела, стал развивать отечественное виноделие, закладывал плантации в Крыму.

Что меня заинтересовало в деятельности фирмы, так это размах ее благотворительных дел. На Большой Охте было построено огромное здание благоустроенной богадельни, рядом церковь «во имя Казанской божьей матери», великолепный храм в византийском стиле, к сожалению снесенный в 1929 году.

Все три елисеевских магазина в Петербурге, Москве, Киеве, построенные к 1906–1909 годам, для того времени представлялись явлением невиданным в России; может, не только в России, судя по прессе, нигде в Европе не было еще ничего подобного по размаху, удобству, комфорту, по ассортименту товаров и, наконец, по культуре обслуживания.

Я просматриваю юбилейный альбом, принесенный Анастасией Григорьевной, старые фотографии, отлично выполненные, показывали просторные вспомогательные цеха магазинов, склады, подвалы, ледники. Конфетные цеха, варку карамели. Передо мною, как в анатомическом атласе, открывались внутренности этого могучего организма, то, что обеспечивало его силу, ассортимент, качество товаров, первенство в борьбе за покупателя. На огромное хозяйство работали свои мастерские, транспорт, гужевой, автомобильный, по-видимому на высоком для того времени уровне техники; может быть, даже фирма в этом смысле лидировала. Она чувствовала себя все уверенней на международном рынке. В 1912 году Елисеев предложил своему старшему сыну Григорию Григорьевичу взять миллион плюс неограниченный кредит и отправиться в Америку, в Соединенные Штаты, чтобы открыть там сеть елисеевских магазинов. Уже под силу было вступить в соревнование с заморской торговлей, хватало и капитала, и опыта, а главное, технологии, чтобы показать преимущества елисеевских магазинов. Кто знает, как развернулись бы Елисеевы, если бы старший сын (отец Анастасии) согласился. Но он в то время кончал Военно-медицинскую академию по специальности хирурга, был увлечен медициной и наотрез отказался ехать в Америку. «Мое дело лечить людей, это мое призвание, а не торговать», – доказывал он отцу. Второй сын учился на востоковеда, третий на юриста, четвертый на инженера, пятый еще был мал... Ни один не пожелал идти работать в фирму, по стопам отца. Сказалось то отношение, которое господствовало в те годы среди русской интеллигенции к купеческой, а заодно и к промышленной деятельности. Смотрели свысока, пренебрежительно на всех этих тит титычей, толстосумов. Как только ни поносили молодую русскую буржуазию: Молох-кровосос, буржуи проклятые; добро бы народ, но запевалами были писатели, и поэты, и журналисты, никак не приветствуя новый класс. Хотя история именно русского искусства многим обязана таким торговым людям, как Мамонтов, Третьяков, Морозов, Бахрушин, Юдин, Алексеев...

Как-то мне достался футляр с грамотой, пожалованной одному русскому изобретателю «Обществом содействия успехам опытных наук имени Х. С. Леденцова». Грамота

Братья Елисеевы. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru роскошная, отпечатанная золотом, но кто такой Х. С. Леденцов, узнать было нельзя ни в одной энциклопедии. И только недавно опубликованы были материалы об этом замечательном вологодском купце, промышленнике. Его стараниями был создан «Музей содействия труду», затем в Москве это самое общество. Он внес анонимно сто тысяч рублей на помощь изобретениям и исследованиям, впоследствии завещал свое огромное состояние этому обществу. С 1909 года общество это начало действовать под руководством Совета, в который вошли крупнейшие ученые России. Оно помогало Н. Жуковскому, К. Э. Циолковскому, П. Н. Лебедеву, И. П. Павлову, Д. И. Менделееву. Конечно, всякие были купцы и промышленники, но вот были и такие, подобные Христофору Семеновичу Леденцову.

Далеко не все хищничали, плутовали – наоборот, поняли уже, что выгоднее хозяйничать добросовестно, строить разумно, на века, будь то фабрика, дом, мост. Дорожили честью, добрым именем, основывали больницы для бедных, приюты, народные университеты. Мы мало что знаем о промышленниках, заводчиках, банкирах тех предвоенных лет, а были среди них люди яркие, талантливейшие, с заслугами немалыми... Тот же Елисеев определял детей своих служащих в училища, старых служащих пристраивал в дом призрения, построенный специально фирмой. Конечно, главной его заботой оставалось преуспевание торговли. В одном только Петербурге было уже построено им семнадцать многоэтажных доходных домов; в Орловской губернии – конный завод, в Крыму разведены виноградники, огромные плантации, где культивировали лучшие сорта. Наверняка глава фирмы нашел бы в большой семье своей преемника, заставил бы, прельстил, да и сам он еще был в полной силе, но тут вмешалось нечто иное, сила, можно сказать, высшая – глава фирмы влюбился. И до этого известны были его увлечения, то прославленной певицей, то актрисой; новый же роман, однако, отличался страстью нешуточной. Его любовь была супругой довольно крупного ювелира, так что ее, может, и не следует подозревать в корысти. Позднюю эту любовь – а Елисееву было много за пятьдесят, имел уже внуков – не могли остановить ни дела, ни семья. В конце концов дошло до того, что Елисеев явился к жене своей просить развода. Любые отступные деньги предлагал, она не соглашалась. Она тоже была, судя по всему, женщина с характером незаурядным, дочь владельца пивоваренных заводов, привыкшая управлять большой семьей; она, видно, продолжала горячо любить своего мужа. «Ни за какие деньги любовь свою не продам!» – заявила она и пригрозила покончить с собою. Елисеева это не остановило. Он ушел к своей «авантюристке», как окрестили ее в семье. Жена бросилась в Неву – ее спасли. Вскрыла себе вены – опять спасли. С тех пор ее не оставляли одну. Дети дружно осудили отца. Все это происходило в 1914 году, буквально накануне первой мировой войны. Старший сын Григорий отказался от роскошной двенадцатикомнатной квартиры, подаренной отцом, снял скромную квартирку, по средствам врача; братья переехали вместе с ним. Скандал разрастался, в те дни все столичные газеты судили-рядили об этой истории, в которой безвыходно сшиблись любовные страсти. Грянула война, но и она не могла разорвать намертво сцепленного треугольника. Признаюсь, давняя эта любовная трагедия плохо вязалась с привычными представлениями о коммерческом человеке, у которого главное в жизни – стремление к наживе, расчет, а тут война, распад семьи, уход детей. Россию трясет. Сына Григория отправили в действующую армию. Нет, ничто не могло образумить Елисеева, ничто не пересиливало его безумного безумия. И для брошенной его жены – тоже.

Сколько сил потрачено было на получение дворянского звания. Как блюли добропорядочность семьи, щепетильную честность в делах, в обращении с клиентами и наконец добились: пожаловано было личное дворянское звание Г. Елисееву, главе фирмы, и торжественно украшены гербом ворота его дома. И вот все насмарку, под откос, все в распыл, ничего не жаль, все в жертву любви своей.

Для брошенной жены все стало тоже нипочем; ни в детях, ни в доме утешения не находила, белый свет померк, жить нельзя, и умереть не дают.

Как Елисеев упорен был в своей страсти, так и она упорна была в отчаянье. Однажды исхитрилась, улучила момент и на полотенцах повесилась. Так узел был разрублен ценой ее жизни. Все сыновья, похоронив мать, публично отказались от наследства, а отец, спустя две недели после погребения жены, обвенчался со своей любовницей и укатил с ней в Париж.

С того времени внучке Настеньке постоянно внушали, что дед такой-сякой, нехороший, и – внушили. Вошло это в плоть и кровь. До сих пор она не может одолеть той детской неприязни и осуждения.

Братья Елисеевы. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
После февральской революции уезжают за границу Сергей Елисеев – востоковед, затем Николай – юрист. К 1917 году из Елисеевых в Петрограде остается самая младшая, Мариэта. Ей было 17 лет. Вскоре после революции она обвенчалась со своим женихом Андреем, молоденьким юнкером; его через месяц арестовали, поскольку юнкер, и он погиб на барже вместе с другими юнкерами. Мариэта осталась одна, беременная, Григорий еще не вернулся с фронта...

– Но, может быть, эта часть вам уже не интересна? – прерывает себя Анастасия Григорьевна.

Со школьных лет усвоено мною, что история всякой буржуазии кончается с революцией, – так мы привыкли воспринимать прошлое, времена царской России, начисто отрубленные Октябрем. Так нас учили – все начинается заново после революции, счет идет с нуля, как от Рождества Христова. Черта была подведена, но жизнь людей не прервалась, она могла лишь продолжаться, и жизнь Елисеевых тоже продолжалась.

– Нет, нет, что вы, очень интересно, – говорю я решительно.

Анастасия Григорьевна наверняка понимает, что это всего лишь вежливость, но ей надо досказать, для нее дальше – то и начинается самое главное. Грустное повествование о наследниках со всеми злоключениями, которых мы наслушались вдоволь за последние годы.

В 1918 году отец Анастасии Григорьевны вернулся с фронта. Поселились на квартире у крестного, в одном из елисеевских домов на Фонтанке. Отец пошел работать хирургом в больницу, и зажили, не печальсь, не горя о потерянном богатстве, жили, как все питерцы в те годы, бедствуя, как все, радуясь, как все. Такое отношение к своему положению было в те первые годы Советской власти довольно типично. Так А. А. Любищев, сын крупного домовладельца, совершенно спокойно отнесся к потере наследства после революции, «даже с облегчением», любил повторять он. Русская интеллигенция, та, что приняла революцию, принимала подвижнически, готовая жить «по справедливости, вместе с народом и для народа». Жена Григория Елисеева, мать Анастасии, тоже из состоятельной семьи – Хаамеров, ведущих свой род от петровских немцев, она тоже легко и просто приняла условия новой жизни.

Так они жили до 1934 года, до убийства С. М. Кирова, а затем отца Анастасии и дядю Петю схватили как Елисеевых и выслали в Уфу. Никакой вины у них не было, кроме того, что это Елисеевы, сыновья того самого. Неважно, что они отреклись от отца, отказались от имущества, неважно, что сделали они это до революции, важно было другое – они Елисеевы, то есть сыновья, то есть по своему происхождению принадлежат к классу буржуазии. А от происхождения не отречься. В то время уже существовал, укрепился вопрос во всех анкетах: твое социальное происхождение? Из мещан, из дворян, из священнослужителей, из буржуазии, или из рабочих и крестьян. То есть из какого ты класса. Это все определяло, потому что у нас классовое общество, в котором идет борьба классов, борьба эта обостряется, в ней нет места состраданию, пощаде, поскольку перед нами оказывается не жена, не ребенок, не заслуженный врач, а представители враждебных классов. И тут ни при чем талант, заслуги – все качества отринуты классовой принадлежностью. Социальное происхождение было как тавро, клеймило человека навсегда. Он рождался с этим самым происхождением и никуда не мог от него деться. Социальному происхождению придавалось значение генетическое. Примерно так действовала проблема арийского или неарийского происхождения в гитлеровской Германии.

В Уфе Г. Г. Елисеев устроился в медицинский институт. Очевидно, он был не только выдающимся хирургом, но и блестящим лектором, аудитории у него были переполнены, студенты по окончании курса преподнесли ему какую-то особую чернильницу. Любовь студентов, она зачастую вызывает настороженность, а тут особенно – кто такой? оказывает влияние? Высланный! Последовала команда. Уволили. Пошел в больницу хирургом. Там тоже он быстро отличился, завоевал популярность. Беда его была в том, что он был слишком хорошим хирургом. Так что из больницы его тоже уволили – не годится, чтобы сосланный, да еще из бывших, подавал пример своей работой.

Пришло письмо из Франции от отца, просил прощения; сын не мог простить и не ответил.

А в 1937 году явились и взяли его. И младшего Петра Елисеева тоже взяли. «Перед

Братья Елисеевы. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
уходом отец обнял маму, поблагодарил за всю их жизнь, и распрощались; сказал, что больше уже не увидимся. Через несколько дней взяли и маму.»

Он был прав, больше они не увиделись.

Анастасия Григорьевна писала прошения, хлопотала, однажды даже пробилась к «самому Бочкову, который был прокурор после Вышинского». Она помнит огромный кабинет, на другом конце человек за столом что-то писал, поднял голову, кивнул и сказал: «Знаю, знаю, ваш муж тяжело болел и умер». «Я про отца», – сказала она, ничего не понимая. «Ах да, да, это ваш отец», – сказал он.

Только потом она сообразила, что ни в какие бумаги он не смотрел, нигде не справлялся. А к матери ей удалось съездить в лагерь в 1939 году. И дядя Петя умер в лагере. Мариэта умерла в Москве...

Что же было с главой дома? Он благополучно жил до 84 лет во Франции и скончался в Париже в 1942 году. Похоронен он на русском кладбище Св. Женевьевы под Парижем, там же появились могилы его сыновей Николая, затем Сергея, их жен. Они так и не примирились, не простили отца. Анастасия Григорьевна, будучи в Париже, приходила на это кладбище к своим дядям. Отца-то могилы на родине нет; ни точной даты смерти, ни места захоронения, ничего не известно. Здесь среди русских могил ухоженного этого кладбища хорошо горюется, вспоминается, можно постоять перед деревянными крестами деда и его «обольстительницы», своих дядей и теток; все словно бы вновь сошлись одной семьей, примиренные этим кладбищем. Ей вспоминается семейный склеп Елисеевых, что был на Охте у церкви, примерно на том месте, где сейчас Красногвардейская площадь.

Во Франции дядья ее преуспели, один стал известным японистом (теперь сын его тоже востоковед), другой дядя проработал юристом. Она вспоминает, как отца ее командировали перед первой войной в Германию, в клинику, и как он вернулся раньше срока – наскучило на чужбине; как отца уговаривали в годы гражданской войны уехать на юг, а братья уговаривали уехать за рубеж...

– Вот как получилось, – заключает она недоуменно. Я понимаю невысказанный ее вопрос, один из тех вопросов, на который не ждешь ответа, но от которого невозможно отвязаться до конца дней.

Отпрыски рода Елисеевых ныне живут во Франции, в Швейцарии, в США, никто из них не знает почти ничего о своих предках, не интересуется ими. Одну лишь Анастасию Григорьевну мучает, не дает покоя история своей родословной. Может быть, потому, что она единственная сегодня, кто помнит и знает хотя бы краешек того, что скрыто за горизонтом революции. А может, то чувство долга перед памятью отца, так жестоко обездоленного судьбой. Очнулось ощущение прошлого, утаенного, запертого за семью печатями. Тот повальный интерес, который ныне, в конце восьмидесятых, охватил всех... Впрочем, не всех. Как-то перед поездкой к родным во Францию Анастасия Григорьевна, по нашему обычаю, стала готовить гостинцы. Чем можно порадовать заграничных людей, кроме надоевших матрешек и ложек. Первое, что приходит в голову, – русской черной икрой. Тоже не ново, но, по крайней мере, всегда деликатес. Да разве достанешь? Кто-то надоумил ее зайти к директору Елисеевского магазина. Она отправилась и простоудно изложила свою просьбу: так, мол, и так, хочется из Елисеевского магазина привезти потомкам... Директор безучастно кивал, потом сообщил, что помочь ничем не может, ибо дефицит идет по списку для заслуженных товарищей и имеющих на это право. Тут Анастасия Григорьевна стала предъявлять ему ветхие удостоверения о своей медали «За оборону Ленинграда» – она ведь блокадница, – медали «За трудовую доблесть», «За победу над Германией» и прочие почетные справки, скромный набор, накопленный десятилетиями, проведенными на сцене, фронтовыми поездками, гастролями, с которыми моталась по стране, отрабатывая свои сто двадцать «рэ» актерской зарплаты. Что могли значить эти бумажки для директора, необозримое могущество которого Анастасия Григорьевна вряд ли создала? Можно предположить даже, что документы эти своей обыденностью произвели на него совершенно обратное впечатление, потому что он вдруг с мягкой усмешкой спросил: «А чем вы можете доказать, что вы та самая Елисеева?» Вопрос был, конечно, неотразим, Анастасия Григорьевна растерялась, директор развел руками, тонко улыбнулся – так-то вот, любезная, ничем помочь не могу.

Она привела этот случай, смеясь, как забавный анекдот: впервые призналась, что внучка Елисеева, ради баночки икры, и то вот опозорилась. Самоирония прелестное, редкое в нашем обиходе качество. Анастасия Григорьевна с

Братья Елисеевы. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru легкостью подшучивала над собой, над своими промахами и над заслугами. Глядя на нее, стало жаль этого директора, упустившего счастливый случай, который однажды представился ему. И впрямь «мы ленивы и нелюбопытны». Ну, безразличие к людям – это мы уже проходили, но безразлично ему и происхождение этих витражей, причудливых светильников – магазин, где он работает! – высоких шкафов красного дерева, панелей, всей отделки, исполненной в стиле модерн начала века, бронза и дерево; после тщательной реставрации это сейчас заблестало во всей красе. Для таких людей, как тот директор, нет прошлого, впрочем, так же как и будущего. Это почасовики – распространенная порода временщиков, они появляются и исчезают, не оставив о себе ни сожаления, ни памяти. И сами они чувствуют свою временность, мимолетность, ни к чему не прилепляются душой.

Фотографии на толстых картонах старинные, коричневатые, сепией; фотографии фронтовые, любительские, пожухлые, театральные, в костюмах Баядерки, Марицы, – молодые, белозубые, поющие, полные движения, музыки. Фотографии заграничные цветные, там пальмы, незнакомые улицы; пожилые женщины за столиком – это заграничная родня. Среди вороха снимков внимание мое вдруг зацепил один – там Анастасия Григорьевна стояла вместе с сыном в воротах дома. В их позах не было случайности. Они стояли посреди темного проема ворот, и что-то это все должно было означать, какой-то неведомый замысел – «Я здесь стою и не могу иначе»... Может, ведомый только ей, Анастасии Григорьевне, потому что это она настояла, чтобы они снялись у этого дома, бывшего елисеевского дома на Васильевском острове. Наверху, над ними, на дуге подворотни различался герб с буквами «ГПЕ». Простенький герб пожалованного личного дворянства: «Григорий и Петр Елисеевы», фирма «Братья Елисеевы». Чудом сохранившийся герб над чудом сохранившейся веточкой когда-то могучего рода. Они пришли сюда, ни на что не претендуя, но и не отрякаясь и не чувствуя себя виноватыми... Было это за несколько лет до того, как сын уехал в США. Ей хотелось, чтобы на память... Кому – на память? Ей? Нам? Во всяком случае, пока что не ему. Его тогда начисто не занимали эта генеалогия с геральдикой. Он хороший сын, хороший биолог, но это прошлое – зачем оно ему? Он не взял его с собою. Что с ним делать? От этого прошлого, как из черного проема ворот, несло холодом старых бед, материнских страхов, безвестных лагерных могил... Для него это было иное прошлое, чем для матери. Снимок был для нее, для нее он что-то значил – поклон своим предкам, запоздалая дань их жизни, не такой уж бесцельной. Что-то там, в минувшем, стало яснее...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!